

18+

ДАША ЦИНИК

ОСКОЛКИ

наших душ

Даша Циник

Осколки наших душ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69557599

SelfPub; 2023

Аннотация

А она красивая. Стройная, как фитоняши из сторис. Губы пухлые. Не мерзкие надутые «пельмени», но явно с филлером. Волосы покрашены в дорогом салоне. Юбка подчеркивает упругую задницу. Молодая, стильная, улыбчивая сука. Любовница моего мужа. Когда-то и я была яркой – с бесятами в глазах и с фигурой, как у фотомодели. Счастливая и полная надежд. Вот только эйфорию убил быт. Он убил и меня. Или... я все еще умею жить и любить?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Даша Циник

Осколки наших душ

Глава 1

– Ты хотя бы причесывалась сегодня? – Наташка цокает языком, пытаясь собрать мои взлохмаченные волосы в подобие пучка.

И зачем я ей рассказала? Нужно было выговориться, вот и сорвалась, позвонила. Не каждый день узнаешь, что твой муж трахает молоденькую ассистентку.

Сделала сюрприз, называется. Сорвалась к нему в театр на годовщину свадьбы. Думала, Славке будет приятно отметить в обществе коллег, и от репетиции надолго отвлекать не хотелось. Как оказалось, он действительно отмечал – да так активно, что штаны сползли к коленям.

– Танич, не смей, – продолжает суетиться сестра. – Никаких депрессий. Лучше выпей, и сходим в клуб.

В руках оказывается бокал с вином, который я тут же отставляю на подлокотник кресла.

– Наташ, не надо. Ничего не хочу.

Запахнув на груди халат, отворачиваюсь к окну. Мозг упрямится и не осознает происходящее. Может, все несерьезно? Ничего не значащая интрижка по пьяни, и уже зав-

тра Славка будет сожалеть? Не верю, что он готов перечеркнуть десять лет. *Наши* десять лет.

Позвоночник вытягивается в струну, словно я снова стою на пороге гримерки, а прямо передо мной извиваются двое – почти лежащая на столе Жанна с широко разведенными ногами и нависший над ней Славка с голой задницей. Оба настолько увлечены процессом, что не замечают меня. Опешив, я отступаю назад и прикрываю дверь.

Трусиха. Нельзя было убегать.

– Как же так? – мой риторический полустон растворяется в тишине.

Наташка молча смотрит исподлобья. В ее глазах упрек – сестра явно ждет радикальных решений. Но я не могу. Вместо боли в груди пугающая пустота.

Господи, как он мог? Мы же через столько прошли. И безденежье пережили, и сложности с ЭКО, и первый мучительный год после рождения Вовки, когда ему ставили диагнозы один страшнее другого. Было сложно, но мы справились.

– Только не говори, что стерпишь из-за сына, – Наташка скрещивает руки в груди. – Уж лучше истери и бей посуду.

Да, я должна злиться. Плакать, проклинать, выть от обиды. Но я лишь ненавижу себя. Как и почему упустила момент, когда что-то пошло не так?

Перевожу взгляд к серванту, замечая свое отражение в зеркале. Помятая, взъерошенная, с темными кругами под глазами. Смотреть страшно. А ведь раньше я такой не была.

Неудивительно, что Славка ушел на сторону.

— Как же я себя запустила... — торопливо оглаживаю волосы, приглаживая торчащие пряди.

— Нет, — подскакивает Наташка. — Не смей винить себя!

Пока она яростно трясет меня за плечи, остатки гордости тонут в малодушной мысли, что было бы проще не знать. Жила бы привычной жизнью, забирала Вовку из садика, учила с ним буквы и пекла блинчики, которые он так любит.

Еще не поздно все так и оставить. Сделать вид, что ничего не было. Проглотить обиду.

И до конца жизни задаваться вопросом, продолжает ли Славка мне изменять...

— Танич, завязывай, — Наташка силой заставляет меня подняться из кресла. — Сейчас мы тебя накрасим, найдем в гардеробе самое красивое платье и пойдем в бар снимать мужиков.

— А Вовку я с кем оставлю?

— Соседку попроси, присмотрит, — отмахивается сестра.

— Наташка, хватит. Нет у меня платьев. А в тех, что есть, молния не застегнется.

Это правда. Разъелась на три размера. С начала декрета не вылезаю из спортивных штанов и кроссовок. Идеальная одежда. Стирать легко, гулять удобно. И вроде бы даже модно, если верить сторис, которые периодически подсовывает телефон.

— Так что никаких баров и мужиков, — рывком освободив

локоть, случайно сбиваю бокал.

Осколки со звоном разлетаются по паркету. Красная лужа, так похожая на кровь, расплзается по лакированному дереву.

– Вот черт! – Наташка первая кидается за тряпкой. – Осторожно, не наступи!

Следующие полчаса мы собираем с пола крошечные кусочки стекла и замываем обивку кресла. Не переставая ругать Славку, сестра допивает остатки вина. Около десяти я выпроваживаю ее домой, чтобы один на один столкнуться с жестокой реальностью.

Хочу я или нет, придется принять решение. Подумать о собственной гордости и, тем самым, лишить Вовку отца? В том, что Славка уйдет, не сомневаюсь. Слишком гордый, чтобы сносить упреки. Или терпеть самой и попытаться сохранить семью?

Прервав размышления, телефон оживает от входящего звонка. На экране вместе с родным улыбающимся лицом высвечиваются два слова, от которых меня передергивает.

«Любимый муж».

Нет, я все-таки не смогу смириться.

– Привет, Тат. Прости, задерживаюсь, – скороговоркой начинает он, не дожидаясь ответа. – На выходных отметим, чтоб никто не мешал.

– Все в порядке, – так и хочется заорать «там и оставайся», но я боюсь разбудить сына. – Если хочешь, заночуй в отеле

в центре, чтобы в область не тащиться.

Не узнаю собственный голос. Ледяной и саркастичный, хотя внутри меня так и колотит.

Неужели на смену отрешенности все-таки пришел гнев? Или какая там следующая стадия принятия?

Отложив мобильный, я беззвучно кричу в спинку кресла. Бессилие и досада раздрают грудь.

В горе и в радости, в болезни и в здравии – теперь это всего лишь высокопарные слова. Они ничего не значат, потому что мой муж предпочел провести нашу годовщину с другой женщиной.

Выбрал *не меня*.

На негнущихся ногах я подхожу к шкафу, медленно отдвигаю створку и принимаюсь собирать чемодан.

По привычке складываю аккуратно, рубашку к рубашке, носки в отдельную стопку, ремни сбоку вдоль молнии. Если наблюдать со стороны, кажется, что я готовлю вещи мужа к отпуску. Может, люди так и должны расходиться – тихо и мирно, без ругани на весь дом?

Порядок нарушают мокрые следы от капель на одной из маек, лежащей поверх остальных. Черт! Я же реву навзрыд, и это мои слезы.

– Сукин сын, – всхлипнув, валюсь на кровать возле чемодана и тихо скулю от обиды.

В фильмах женщины выбрасывают вещи изменников в окно. Попустит ли меня, если содержимое Славкиного гар-

дероба полетит с пятого этажа? Бомжи точно порадуются.

Телефон звонит снова, но я не поворачиваю головы. Наверняка это Наташка. На продолжение разговора с ней просто нет сил.

С трудом поднявшись, натыкаюсь взглядом на нашу со Славкой фотографию на прикроватной тумбочке. Помню день, когда ее сделали. И когда купили рамку. И вон те статуэтки на комод.

В комнате каждая вещь напоминает о нас. Деревянная подставка с тегом «погода в доме» – Славка привез ее с очередных гастролей и вручил, напевая песню Долиной. Ваза с профилем Исида – ее мы купили в Египте на третью годовщину свадьбы, впечатлившись рассказом местного торговца, который клялся, что лик богини в спальне помогает забеременеть. Забавно, что после этого оказалось удачным второе ЭКО. Браслет из ракушек, раскрашенных Вовкой. Как же теперь ему объяснить, что папа разлюбил маму?

Головная боль настойчиво отвлекает от тягостных мыслей. Закинувшись таблеткой, разбираю все подряд, чтобы отвлечься. Вытащив с верхней полки стопку журналов, нахожу в них старый диск с размашистой подписью Славки «мое раннее». Машинально вставляю в дисковод ноутбука, открываю единственный файл – запускается видео из какого-то клуба.

Под грохот музыки толпа беснуется на танцполе, камера прыгает, поочередно выхватывая смазанные лица, пока не

натывается на знакомое. Кажется, с этой стрижкой Славка ходил лет восемь назад, когда еще сам пел в мюзикле. Рядом тут же появляется улыбочивая репортерша и практически сунет микрофон ему в рот:

– Здравствуйте, Вячеслав! Арина Ленская, развлекательный канал «Омега». Вы не против небольшого интервью?

– Конечно! – охотно соглашается он и, рисуясь, откидывает челку со лба – явно чувствует себя в своей среде.

– Уже известно, что вы будете исполнять партию Ромео. Вашей Джульеттой на сцене станет Кристина, – она переводит многозначительный взгляд на его давнюю партнершу. – Признайтесь, а кто ваша Джульетта в жизни?

– Мое сердце пока свободно.

А ведь мы на тот момент уже встречались. Выходит, Славка публично отнекивался, а я и знать не знала. Может он и с Кристиной спал? Хотя вряд ли. Она из строгой семьи. Им бы просто не дали завести отношения до свадьбы.

И потом ведь тоже были звоночки.

Когда Славка начал надолго ездить с труппой на гастроли. А я оправдывала – он худрук, ему положено заниматься театром. И когда купил путевку на море, но в итоге не смог выбраться из-за «завала на работе», и мы с Вовкой отдыхали в компании свекрови. Приняла и это без возражений, ведь муж – добытчик, я – хранительница очага. И теперь в нашем очаге остался лишь пепел.

– Легковерная дура, – я прячу лицо в ладонях.

Вот бы отмотать время назад. Вложить мне, идиотке, правильные мысли в голову. Еще в Питере, когда Славка делал предложение. Опустился на колено возле Александровской колонны и пропел часть арии Призрака оперы, которого он играл. Нас снимали на камеры мобильных, свистели, аплодировали, кто-то кричал «скажи да!». И я сказала. А Славка поцеловал мне руку и раскланялся – даже тогда работал на публику.

Чертов позер любил и любит только себя. А раз так, пусть и катится к черту.

Отложив ноутбук, скидываю в чемодан остатки рубашек. Комкаю, запихивая не глядя. Теперь ему есть, кому гладить вещи. А если Жанна не в состоянии, наймет домработницу

Выставляю все это добро на лестничную площадку, а там сам разберется.

Хорошо, что квартира моя. Бабушка подарила ее нам на свадьбу, но как чужая – оформила до того, как мы расписались.

– Новую сам себе купит, – со злостью цежу себе под нос, воюя с тугой молнией. – Благо, не бедствует.

– Мам, – на пороге спальни мнется сонный Вовка.

Переступает с ноги на ногу, зевает, зябко ежится.

Хороша я, ничего не скажешь. Разбудила его своей возней. Мать года, не иначе.

– Почему босиком? – подскочив, обнимаю за плечи, чтобы отвести к кровати. – Ноги ледяные!

– А где папа? – тянет он, растирая глаз кулачком.

Вот оно. То, чего я боялась.

– Задержался на работе, – жду, пока сын заберется под одеяло с принтом гоночной машинки из мультфильма и подаю изрядно полинявшего динозавра, без которого Вовка отказывается спать. – Завтра приедет, и все вместе отпразднуем.

– На скалодроме? – его глаза светятся от восторга. – Обещаешь?

– Конечно, родной.

Кажется, серьезный разговор откладывается. Не могу испортить день сыну. Он так ждал поход в детский центр. С понедельника показывал, как будет залезать на стену. Чуть ручку от комода не оторвал.

– А теперь спи, – подоткнув подушку, возвращаюсь к незастегнутому чемодану.

На лежащий рядом телефон прилетает СМС от Наташки.

«Ну как? Поговорила?»

Вот же ей нейдет посреди ночи.

Отправляю лаконичное:

«Потом».

И включаю режим «не беспокоить».

Хватит на сегодня бесед. Побуду как Скарлетт О'Хара – подумаю обо всем завтра.

Глава 2

Блин подгорает, потому что я слишком долго смотрю в окно. Внизу у подъезда Славка разговаривает по мобильному, и почему-то не торопится зайти. Отсюда лица не разобрать, и я пытаюсь определить настроение по позе. Напряжен? Или расслаблен? Поправив прядь волос, задерживает руку на затылке. Ясно – растерян.

– Сколько можно трепаться? – нервно прокручиваю между пальцами силиконовую лопатку. Шипение сковороды отвлекает от ворчания, и я кидаюсь к плите спасать завтрак сына. – Вов, ты зубы почистил?

– И руки вымыл! – радостно рапортует он, появляясь в кухне и демонстрируя мокрые ладони. – Видишь, мам?

– Молодец, – ответно улыбаюсь я. – Тогда садись за стол. Сегодня у нас блинчики с «Нутеллой».

Не самая полезная еда, но всю неделю сын не капризничал и исправно ел кашу, грех не побаловать.

– А папа? – в его голосе неподдельное разочарование.

Я же с трудом умудряюсь не скривиться.

– Он паркует машину. Сейчас поднимется.

Как только закончит ворковать с Жанной. Или не с ней? Вдруг что-то случилось на работе?

Неужели я все еще его оправдываю? Поздравляю, открыт новый уровень мазохизма. И когда я только успела стать тер-

пилой?

– Начали отмечать без меня? – Славка возникает в дверном проеме и упирается локтями в стены по бокам.

Подтянутый и бодрый, как всегда.

Вздвогнув, отвожу глаза. Господи, как же тяжело притворяться.

– Папа! – Вовка кидается навстречу, где его тут же подхватывают сильные руки и легко подбрасывают к потолку.

Как же я их любила. Казалось, в стальном кольце мне не страшны никакие беды. А теперь... я знаю, что они ласкают другую женщину.

– Еще! Выше! – восторженно смеется Вовка.

– Осторожно! Не расшиби ему макушку! – выходит зло и отрывисто.

Все-таки не сдержалась, рывкнула. Надеюсь, сойдет за волнение.

– Тат, ну ты чего? – примирительно начинает Славка, но сына все-таки отпускает и подводит к столу. – Готов есть блины, чемпион?

– Да!

– И сколько ты съешь?

– Сто тыщ миллионов! – Вовка растопыривает пальцы, показывая количество блинов.

– Уверен, что справишься? – Славка смеется и усаживает его к себе на колени.

А потом смотрит на меня. Тепло и искренне, словно от-

вратительная сцена в гримерке была дурным сном.

Нельзя так улыбаться и ничего не чувствовать. Может, и правда с Жанной все несерьезно?

– Полянский, пойдй вымой руки, – отворачиваюсь к плите, чтобы не дать слабину и не расплакаться. – И переоденься.

Чтобы я не пыталась уловить ее запах.

Вместо этого он подходит сзади и виновато шепчет мне в ямочку под затылком.

– Татка, не ругайся. Я очень хотел приехать.

Судорожно сглатываю и, кажется, не дышу.

Только бы он не вздумал меня обнять. Не вынесу – закричу.

– И жалею, что не смог.

– Да? Где тогда цветы? – стараюсь придать голосу беззаботность, чувствуя, как по щеке скатывается слеза.

– А бриллианты в этом доме больше не котируются? – не дожидаясь, когда я обернусь, он подныривает рукой под мой локоть и протягивает бархатную коробочку. – С годовщиной, Тат.

Не чувствуя пальцев, принимаю подарок. Сердце трепыхается где-то в горле вместе с застрявшими рыданиями.

– Примерь. Я пока переоденусь, – Славка ретируется с кухни.

Жаль, он так и не узнает, что творилось со мной в ночи. Трусливо разобранный чемодан спрятан в шкаф, рубашки

висят в прежнем порядке, обувь сложена в коробки. Не осталось и следа вчерашней истерики, лишь кровоточащие царапины на сердце, которые никто не увидит.

Собравшись с силами, я открываю коробочку. На черной подушечке изящные серьги-гвоздики. Красивые, с крупными камнями. Вот только я такие не ношу. С детства боюсь потерять застёжку, поэтому предпочитаю проверенный английский замок.

Интересно, они действительно предназначались мне? Или Славка собирался подарить их Жанне, но ей не понравились?

– Мам, покажи! – Вовка вьется рядом, пытаюсь рассмотреть подарок.

Незаметно смахнув слезу, поворачиваюсь к нему.

– Как тебе?

– Ого! – он в восторге округляет глаза.

Меркантильно решив, что в случае чего бриллианты всегда можно сдать в ломбард, я надеваю украшение под громкие хлопки сына.

Завтрак проходит в болтовне о скалодроме. Стараюсь не смотреть на Славку, не переставая торговаться с собой. Вечером. Скажу ему вечером. А пока продолжу улыбаться как счастливая жена и мать.

Господи, что же будет, когда все узнают? Большинство наверняка поддержит Славку – у нас в окружении в основном его друзья. Своих я растеряла, с головой погрузившись в быт.

Теперь придется держать удар одной.

Пристегивая Вовку в машине, я непроизвольно тянусь к карману за водительским сиденьем. Рука нащупывает фантик от конфеты и скомканный в шарик чек. Глупая. Что я рассчитывала найти? Совместную фотографию с Жанной? Использованный презерватив? Да и зачем мне снова видеть подтверждение измены?

Отряхнув ладони от фантомной грязи, нехотя усаживаюсь рядом со Славкой и по пути в детский центр изредка поддакиваю, если пауза слишком затягивается.

В раздевалке скалодрома стоит гвалт, в котором Вовка умудряется докричаться до знакомых. С ними же он убегает к трассе, успев бросить через плечо:

– Мам, сфоткай меня наверху!

Уцепившись за просьбу как за причину не разговаривать с мужем, я забиваю память телефона фотографиями и видео подъема, мысленно восхищаясь, как ловко сын хватается за каждый зацеп. Сердце испуганно замирает, когда худенькая фигурка виснет на страховочном тросе, но инструктор умело направляет Вовку, и через мгновение тот карабкается снова, с еще большим рвением.

– Ты снимаешь, мам?

Сколько же счастья в его глазах! Только ради этого стоило подождать с ссорой.

– Я тоже снимаю! – встряв, Славка разрывает невидимую нить наших взглядов, и пока Вовка ему машет, с пафосом

комментирует: – Дамы и господа, перед вами Владимир Полянский – гроза скалодрома.

Ясно, это для сторис. Надо бы выйти из кадра, чтобы потом поклонницы не ныли в комментариях про «стремную жену».

– Теперь за бургерами? – непринужденно улыбается он, выложив видео в сеть. И тут же хмурится – видимо, я все-таки не успеваю справиться с мимикой. – Тат, ну не начинай. Я же извинился.

Резко веду плечом, не давая его ладони притронуться.

– Я и не начинаю.

Потому что если начну, уже не смогу остановить поток обвинений.

Со стороны я наверняка кажусь истеричкой. Нужно успокоиться и не провоцировать скандал. Накануне выхода нового мюзикла он совершенно ни к чему.

Одергиваю себя. Вот опять! Опять думаю об интересах мужа. За годы это стало рефлексом – заботиться о других. Быть терпимой, понимающей, обходительной.

Удобной.

Но это ведь неправильно.

Славка не развивает тему, нацепив умеренно довольное лицо – такое у него обычно заготовлено для пресс-конференций.

Я тоже старательно играю на публику, чтобы Вовка ничего не заподозрил. Тот носится как угорелый, забыв о скало-

дроме, и перескакивает в зоне аттракционов с одной карусели на другую. Лишь перспектива обеда позволяет ненадолго его отвлечь, да и то за счет фастфуда.

– Вот ваш чизбургер и сырные шарики, – расставляя тарелки, официант общается с ним как с взрослым, и Вовке это льстит.

– И еще колу! – он тянется к стакану.

– Сию минуту. Сейчас открою вам бутылку.

Бронировавший столик Славка одобрительно кивает. Ему нравится, что сын привыкает к заискиваниям. Мне же было бы проще посидеть где-нибудь в простом кафе или на фуд-корте, в белом шуме толпы. Не из экономии – мы давно не считаем каждую копейку – а просто, чтобы не рисоваться перед другими. И хоть я ценю комфорт и приватность, ресторан необязательно выбирать, руководствуясь мишленовским списком. К тому же какая разница, где заказывать бургеры?

Раздражения добавляет навязчивая мысль, что в отличие от меня, Жанне подобное место наверняка пришлось бы по вкусу. Я ее почти не знаю, но почему-то уверена, что мы с ней противоположны во всем.

Только под вечер мне удастся вынырнуть из липкого облака раздражения. Забыться на несколько секунд, когда Вовка роняет машинку в широкую лужу посреди двора, а Славка лезет доставать, не обращая внимания на утонувшие пощиколотку ноги. Сосредоточенно шарит по дну... и поднимает смятую жестяную банку.

– Фу, это не она, пап, – задорный хохот сына похож на звон колокольчика.

Не удержавшись, я смеюсь вместе с ним, а следом присоединяется и Славка. Все снова на одной волне, как раньше, в безмятежной прежней жизни, где мы втроем были по-настоящему счастливы. Жизни, к которой не вернуться никогда.

Дома тоска накатывает по новой. Я долго вожусь в ванной перед тем, как зайти в спальню, и извожу себя вопросом – как начать? Как найти силы произнести вслух то, о чем кричит душа? Ведь одно слово, одно единственное слово, делает кошмар реальным. Готова ли я собственноручно разрушить последнее, что осталось? Уже не семью – *видимость*.

Славка решает проблему за меня, заснув первым. Отвернувшись на другой бок, он ровно размеренно дышит, и я с каким-то извращенным облегчением откладываю разговор.

Усевшись на край матраса, я тяжело вздыхаю от унижительной необходимости лечь рядом. Привычное движение, нужно всего лишь выпрямить ноги и откинуться на подушку. Учитывая ширину кровати, я даже не задену Славку, но расстояние не довод, чтобы переступить через гордость.

Не смогу. Не смогу... и все-таки это делаю, ухватившись за мнимое оправдание не втягивать сына раньше времени. Если ночевать у него, придется объяснить причину. А быть может, я просто конченная мазохистка.

Ненавижу себя за слабость до подкожного зуда.

За то, что стерпела – снова! За то, что лежу рядом с тем,

кто имел наглость спать с другой.

Самое страшное, что в этом только моя вина.

Мужчина ведет себя с женщиной так, как она позволяет. Я позволила. Значит заслужила. Я и сейчас заслуживаю, потому что молчу.

Раньше мне и в кошмаре не приснилось бы, что я сглаживаю углы ценой собственного достоинства. И пусть я не была дерзкой, я себя уважала.

Вот, в чем причина Славкиной неверности.

Он изменил мне, потому что изменилась я.

Стала тенью себя прежней. Безликой и скучной. Безголозой.

Но я напомним, что у меня есть голос. И поговорю с ним. Обещаю себе – непременно завтра. Как только проснусь.

Принятое решение притупляет боль. Закрыв глаза, проваливаюсь в мутную полудрему. А утром понимаю, что полуночное самовнушение оказалось бесполезным – едва размыкая веки, взгляд натывается на остывшую половину постели.

Глава 3

В спешке собирая Вовку в сад, то и дело кошусь на экран телефона. Позвонить? Или снова ждать до вечера?

– Мам, не та нога, – он смешно дергает пяткой, когда я придвигаю ботинок, намеренно перепутав левый с правым.

Сын любит одеваться сам, а вот обувь пока бойкотирует. Стоит взяться за шнурок – сразу же замирает, пока я или свекровь хлопочем рядом.

– Точно? – изображаю озадаченность, постукивая пальцем по губам. – Покажи, как правильно.

Позволив себя обмануть, он засовывает ногу в нужный ботинок и гордо демонстрирует мне:

– Вот! Сделаешь бантик?

Надо потренироваться с ним завязывать шнурки. Может причина не в лени, а в отсутствии интереса?

– Ладно, – сдаюсь я. Спорить нет смысла, иначе опоздаем. Затянув узелок, поправляю брюки с ветровкой и не забываю о наставлении: – Только не лезь в лужу. А то Лика будет дразнить неряхой.

– Она мне больше не невеста, – Вовка равнодушно пожимает плечами. – Теперь я встречаюсь с Катей.

Еще позавчера ситуация позабавила бы, но сейчас я воспринимаю ее всерьез.

Почему мужчины так непостоянны? И даже в детстве лег-

ко расстаются с привязанностями, не думая о тех, кому сделали больно?

– Нельзя менять невест каждый день, – укоризненно цокаю языком. – Если не уверен – не предлагай.

– Лика первая ушла к Артему, – отмахивается Вовка.

Как все просто, ушла и ушла. Ни обид, ни сожалений. Вот бы и мне такую отходчивость.

Выбор Лики его не волнует, в отличие от похвалы инструктора. По дороге в сад Вовка как заведенный повторяет рассказ о своем подъеме и опять просится на скалодром. Уклончиво пообещав повторить, как только появится возможность, оставляю сына под присмотром воспитательницы. Он с энтузиазмом переключается на нового слушателя, а я возвращаюсь на улицу и рывком достаю из кармана плаща мобильный.

Торг с собой и с обстоятельствами закончен. Сейчас или никогда.

Хватит оттягивать неизбежное.

Для начала переименовываю контакт на официально-сухое «Полянский», и только потом нажимаю на значок вызова. Хмурюсь, жду гудка, перекатывая на языке заготовленное «я все о вас знаю», но диалог начинает автоответчик.

– Абонент не отвечает или временно недоступен.

Какого черта? Он снова с ней? И отключил мобильный, чтобы не мешали?

Как пена на убегающем молоке в груди поднимается

ярость.

Дикая. Жгучая. Кричащая «не смей ждать».

Внутренние демоны правы, я действительно затянула с решением. Что ж, если Славке некогда разговаривать по телефону, пусть объясняется лично, в присутствии коллег.

В такси я безуспешно пытаюсь прозвониться, в ноль разрядив аккумулятор. Уже на подъезде к Манежной площади убитая жизнью и дорогами «Шкода» намертво застревает в пробке. Главная причина, по которой я не люблю центр. Слишком шумно, слишком тесно, слишком много нервозности. Остаток пути по Тверской прохожу пешком, и только свернув в переулок, к служебному входу в театр, понимаю, что растеряла весь воинственный настрой.

Ворваться на репетицию и устроить скандал? Нет, не смею.

В паре десятков метров от знакомой двери неуверенно замираю. Бесконфликтная и трусливая часть меня уговаривает вернуться домой и поговорить без свидетелей. Обозленная упрямо подталкивает в спину, слабея с каждой попыткой.

Я уже делаю шаг назад, когда на улицу под яркий солнечный свет выпархивает Жанна. Кокетливо встряхивает кудрями, и они эффектно рассыпаются по плечам.

Обхватываю себя ладонями, боюсь увидеть Славку, но его пассия пружинистой походкой удаляется от театра одна. Невидимый поводок тащит меня следом как хозяин старую собаку. Бреду как в тумане, задаваясь единственным во-

просом – почему никогда не видела в ней соперницы? Мы встречались пару раз, когда она завозила Славке документы на подпись, но у меня в мыслях не было ее заподозрить. Я толком и внимания не обращала. Теперь вот наверстываю упущенное, всматриваясь.

А она красивая.

Стройная, как фитоняши из сторис.

Губы пухлые. Не мерзкие надутые «пельмени», но явно с филлером.

Волосы покрашены в дорогом салоне.

Юбка подчеркивает упругую задницу.

Молодая, стильная, улыбчивая сука.

Гордо смотрит на свое отражение в витринах. Не идет – несет себя по улице. Мужчины оборачиваются с интересом, но Жанне явно не до них.

Когда-то и я была яркой – с бесятами в глазах и с фигурой как у фотомодели. Теперь же стараюсь лишний раз не останавливаться у зеркала.

На пересечении со Столешниковым переулком Жанна прикладывает к уху телефон, манерно оттопырив мизинец. До меня долетают обрывки фраз, четко улавливаю лишь «гастробар» и «опаздываешь».

Ясно, кривляка собирается пообедать, а такой экстерьер требует пафосного интерьера. Не в «Шоколадницу» же идти. Не удивлюсь, если Славка увлекся мишленовскими заведениями с ее подачи.

Глубоко вздыхаю, настраиваясь.

Значит, сейчас и поговорим. Не хотелось бы делать это в присутствии Жанны, но выбора у меня нет.

Завершив вызов, она машет кому-то за моей спиной и недовольно складывает губы «уточкой»:

– Коть, ну почему я опять первая?

Медленно оборачиваюсь, приготовившись нос к носу столкнуться со Славкой... но вместо него мимо проходит другой мужчина. И, по-хозяйски обняв Жанну, смачно целует в губы.

Что, черт возьми, происходит?

Она же трахалась со Славкой! Мне не показалось. Я еще не сошла с ума. Или... все-таки сошла, и воспаленный мозг подсовывает извращенные фантазии?

Спрятав лицо в ладонях, пытаюсь унять хаос в мыслях. Кому сказать, что я в деталях вспоминаю измену мужа, точно покрутят пальцем у виска. Я видела именно их, Славку с Жанной, готова поклясться собственной жизнью. Тогда кто этот незнакомец, так вольно ведущий себя? Неужели... второй любовник?

Догадка вызывает нервный смешок. А она далеко пойдет, если так.

Жаль, телефон разряжен. Сфотографировала бы жаркое приветствие и показала бы Славке. Идеальный удар по самолюбию. Рефлексия и самокопание обеспечены.

Не имея возможности сохранить улику, я провожаю слад-

кую парочку задумчивым взглядом до двери в гастробар и внезапно срываюсь с места – за ними. Зачем наблюдать издалека и гадать, если можно пообедать за соседним столиком и выяснить подробности, не задавая вопросов? Заодно попрошу зарядить телефон. В заведении подобного уровня наверняка найдется подходящий шнур.

Дернув на себя отполированную ручку, я оказываюсь у подножия лестницы, на верхних ступенях которой маячат знакомые фигуры. Мужчина придерживает Жанну за талию – бережно, почти не касаясь. На безымянном пальце поблескивает кольцо. Ясно, и этот женат. Ушлая стерва в принципе не выбирает свободных?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.